

УДК 81`367.626.2
ББК 81.2 (2Рос=Буря)

О РАЗВИТИИ ФОРМ ЛИЧНОЙ И ВОЗВРАТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СВЯЗИ ИХ С КАТЕГОРИЕЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

С. М. Трофимова, В. И. Рассадин

Как известно, в бурятском языке представлены формы личной и возвратной (безличной) принадлежности, которые имеют специальные аффиксы, а грамматическая категория принадлежности по своему значению распадается на личную и возвратно-безличную. Личная принадлежность выражает принадлежность предмета обладателю, различаемому по лицам и числам.

Ед. ч.

- 1-е л. *гэр минь* 'моя юрта'
- 2-е л. *гэр чинь* 'твоя юрта'
- 3-е л. *гэр нь* 'его (ее) юрта'

В притяжательных частицах сохраняется более древняя форма: *минь*, *чинь*, *маань*, *таань* внешне напоминают форму родительного падежа соответствующих личных местоимений *би* 'я', *чи* 'ты', **ба* 'мы', *та* 'вы' — ср., например, *миний гэр* 'моя юрта', *чиний гэр* 'твоя юрта', *манай гэр* 'наша юрта', *танай гэр* 'ваша юрта'.

Что касается бурятского аффикса принадлежности 3-го лица *-нь*, который пишется слитно с основой, например, бур. *гэрнь* 'его, их дом', то эта частица и аффикс образовались из сочетания *-ни* или *-ний* у словоформы род. п. **ини* ~ *иний* 'его, ее' от древнего личного местоимения **и* 'он, она' по общей модели с монгольской формой *минь* 'мой', *чинь* 'твой': подобно тому, как от формы родительного падежа *миний*, *чиний* образовались притяжательные частицы *минь*, *чинь* с палатальным звуком *нь* в абсолютном конце слова, а от формы *ний* (или *ни*) образовался аффикс-частица *-нь*, который как звук является палатальным. Притяжательная частица-аффикс 3-го лица *-нь* из *-ни*, бесспорно, имеет генетическую связь с тунгусо-маньчжурским аффиксом 3-го лица единственного числа *-н*, *-ни* —

В современном бурятском языке для передачи формы личной принадлежности существуют специальные постпозитивные показатели, которые представляют шестичленный ряд личных форм с постпозиционными частицами притяжания *минь* 'мой', *маань* 'наш', *чинь* 'твой', *таань* 'ваш', *нь* 'его', 'ее', 'их':

Мн. ч.

- гэр маань* 'наша юрта'
- гэр таань* 'ваша юрта'
- гэр нь* 'их юрта'

например, эвенкийский *гидан*, удегейский *гидани*, нанайский *гедани* 'его копье'. То, что ороцкая форма типа *угдань* 'его лодка' произошла от формы *угдани* (в том же значении), не вызывает сомнения. Следует полагать, что бур. *хадань* 'его гора' восходит к форме типа *хада-ни* ~ *хад-ни*. Другими словами, бурятский аффикс-частица *-нь* восходит к аффиксу *-ни*.

Таким образом, бурятский аффикс *-нь* нельзя рассматривать как простой элемент, так как он является сложным образованием и в его составе есть скрытый элемент *-и*. То же самое можно сказать и об элементе *-нь* в составе халха-монгольских притяжательных частиц *минь* 'мой', *чинь* 'твой', *маань* 'наш', *таань* 'ваш', которые являются краткой формой от притяжательных местоимений *мини(й)*, *чини(й)*, *мани*, *тани*.

Следует отметить, что притяжательная частица-аффикс 3-го лица *-нь* восходит к древнему показателю определенности *-н/-ни*. Частица-аффикс *-нь* в монгольском языке закономерно употребляется и в функции определенного формального показателя в тех случаях, когда речь идет об определенном, уже упомянутом предмете. Примеры:

монг. *Туулай унэг хоёр байжээ, туулай нь ногоо иддэг, унэг тахиа хулгайдаг билээ* 'Заяц и лиса вдвоем жили, заяц-то траву жевал, лиса-то кур воровала'. Можно сказать, что в данном примере элемент *-нь* с точностью соответствует определенному артиклю в некоторых европейских языках.

Укажем еще на одну характерную особенность бурятской притяжательной частицы *-нь*, связанную со значением определенности. Если основы с аффиксом принадлежности 3-го лица *-нь* ставятся в винительном определенном падеже как объект, то аффикс винительного падежа *-г* опускается, так как

Ед. ч. Основа на гласный

- 1-е л. *ахам(ни)* 'мой брат'
- 2-е л. *ахаш(ни)* 'твой брат'
- 3-е л. *ахань* 'его (ее) брат'

Мн. ч. Основа на гласный

- 1-е л. *ахамнай* 'наш брат'
- 2-е л. *ахатнай* 'ваш брат'
- 3-е л. *ахань* 'их брат'

Основа, оканчивающаяся на согласный, имеет две параллельно употребляемые формы принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа, например, бур. *ахам* и *ахамни* 'мой брат', *эсэгэшни* 'твой отец'. Это происходит от того, что форма типа *ахам* воспринимается как согласная основа, и поэтому к этой основе наращивается аффикс принадлежности 1-го лица *-ни* для основ на согласный, например, *мални* 'мой скот', *гарни* 'моя рука' и т. п. Но форма типа *ахамни*, в отличие от *ахам*, имеет более конкретное значение.

В формах слов *-м* лично-притяжательная частица типа *ахам* 'мой брат', *эсэгэм* 'мой отец' восходит к **минь* и *-б* лично-предикативная частица в *ахаб* 'я брат', *эсэгэб* 'я отец' — к **би*. Данные формы следует считать древними. Они являются общими с формой принадлежности 1-го лица единственного числа в бурятском языке. Семантический сдвиг здесь, по всей вероятности, произошел позже, после перехода звука *-б* в сонорный звук *-м*.

Если мы признаем, что всякая фонема является смыслоразличительным и форморазличительным средством, то мы должны быть последовательными и в этом вопросе. Для такой интерпретации происхождения форм принадлежности 1-го лица единственного числа имеется и другое основание. Так,

-нь уже указывает на определенность. Ср. *муур* «кошка» и *муурынь* 'его кошку' вместо ожидаемого *муурыг нь*; *эх* 'мать' и *эхий нь* 'его (ее) мать' вместо ожидаемого *эхийгнь*. Исчезновение элемента *-г* в бурятской форме нельзя рассматривать как фонетическое явление в языке. Это, скорее всего, связано с морфологической категорией определенности.

Рассмотрим ниже более подробно систему форм личной принадлежности на примере бурятского языка, в котором форма личной принадлежности имеет следующие аффиксы:

Ед. ч. Основа на согласный

- гэрни* 'мой дом'
- гэршни* 'твой дом'
- гэрнь* 'его (ее) дом'

Мн. число Основа на согласный

- гэрнай* 'наш дом'
- гэртнай* 'ваш дом'
- гэрнь* 'их дом'

например, в бурятском языке аффикс усеченной (краткой) формы принадлежности 2-го лица единственного числа *-ш* у основ, оканчивающихся на гласный, в то же время является и аффиксом сказуемости, например, бур. *багш* 'учитель' и *багшааш* 'ты учитель', *хурагшаб* 'я ученик' и *хурагшааш* 'ты ученик'.

Форма принадлежности 1-го лица единственного и множественного числа основы, оканчивающейся на устойчивый *-н* и неустойчивый *-н*, образовалась по общей модели, но путем опущения конечного элемента *-н*, например, бур. *морин* 'конь' и *моримни* 'мой конь', *моримнай* 'наш конь', *зон* 'народ' и *зомнай* 'наш народ'.

Авторы «Грамматики бурятского языка» [1962] считают, что в приведенных формах конечный звук *-н* переходит в звук *-м*. С этим мнением теперь вряд ли можно согласиться, так как природу конечного неустойчивого элемента *-н* в монгольских языках можно будет считать выясненной на основе теории определенности, характерной для монгольских языков. Для подтверждения своего мнения приведем суждение Дж. Киекбаева: «...в нанайской форме принадлежности 3-го лица единственного числа конечный носовой элемент *-н* опускается, например, *морин* (произносится *мори-н*) 'лошадь' и *мори-ни* 'его лошадь' вместо

морин-ни. Здесь также не может быть речи о переходе носового звука *-н* в звук *-н*, поскольку элементы *-н*, *-н* являются самостоятельными показателями определенности» [Киекбаев 1996: 302]. Кроме того, в бурятском языке конечный элемент *-н* опускается в ряде других форм, в частности при образовании формы множественного числа, например, *морин* 'конь' и *морид* 'кони', так как множественность всегда обозначает абстрактность. Поэтому элемент *-н*, выражающий конкретность и единичность, в форме множественного числа закономерно опускается. То же самое происходит в форме винительного определенного падежа: элемент *-н* опускается, поскольку в бурятском языке аффикс винительного падежа также указывает на определенность, как во всех языках урало-алтайской семьи.

По мнению авторов «Грамматики бурятского языка» [1962], частицы личного притяжания 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *-мни*, *-шни* и *-мой*, *-тнай* восходят к соответствующим изменениям *минии* 'мой', *шинии* 'твой', *манай* 'наш', *танай* 'ваш'.

Как уже говорилось, теорию местоименного происхождения аффиксов принадлежности надо теперь считать устаревшей. На самом деле личные местоимения исторически сами образовались от древних показателей определенности, которые служили первоначально аффиксами принадлежности. Ц. Б. Цыдендамбаев [1979] отмечает «самостоятельный, независимый от местоимений характер личных частиц в бурятском языке». Лично-притяжательные частицы в бурятском языке употребляются параллельно с формами родительного падежа соответствующих местоимений. Примеры: *Минии багшамни* 'Мой учитель-мой', *Танай нютагтнай* 'Ваш родной край-ваш'.

В бурятском языке форма принадлежности всех лиц связана с аффиксами *-ни* и *-на*, которые, соответственно, состоят из элементов *-н-и*, *-н-а*. Аффикс *-ни* наращивался к более древней основе определенности на *-м*, *-ш* у основ, оканчивающихся на гласный, например, *ахамни* 'мой брат' и *ахаини* 'твой брат'. К основам, оканчивающимся на согласный, показатель *-ни* во 2-м лице единственного числа наращивался непосредственно, например, *гарни* 'моя рука', *мални* 'мой скот'. Говоря иными словами, *-ни* в форме типа *гарни* 'моя рука' в бурятском языке воспринимается как личное место-

имение 1-го лица для косвенных падежей, кроме родительного. Но так как косвенные падежи связаны с абстрактностью, аффикс *-ни* принял форму *-на*, например, *намда* 'мне, ко мне, у меня'. То же самое произошло и в форме принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа: так как форма принадлежности множественного числа связана с абстрактностью или с типом неопределенной множественности, то аффикс *-ни* принимает форму *-на*. Впоследствии для конкретизации значения принадлежности к аффиксу *-на* присоединяется элемент *-й*, вследствие чего образуется аффикс *-най*, например, *гэрнай* 'наш дом', *гарнай* 'наша рука' или же *ахамнай* 'наш брат'. Поэтому следует полагать, что сложный элемент *-ай* закономерно является и аффиксом родительного падежа со значением принадлежности для некоторых основ единственного числа и всех основ множественного числа, например, *ханан* 'мысль, дума' и родительный падеж *hanaanaai* 'мысли', 'думы', *номууд* 'книги' и *номуудай* 'книг'.

Таким образом, в бурятском языке формы принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа и родительного падежа во множественном числе имеют общее происхождение, как в тюркских языках.

Что касается формы принадлежности 2-го лица множественного числа, то она образовалась от основы определенности на *-т* путем присоединения того же аффикса *-най*, например, *ахатнай* «ваш брат», *багшатнай* 'ваш учитель', *гэртнай* 'ваш дом'. Основа на *-т* в свою очередь является формой сказуемости того же лица и числа для одушевленных предметов, лиц, например, *багшат* 'вы учитель', 'вы учителя', *хурагшат* 'вы ученики'. Основообразующий элемент *-т* в приведенных примерах является общеурало-алтайским показателем множественного числа. Поэтому элемент *-т* образовал основу для формы принадлежности 2-го лица множественного числа и от неодушевленных предметов типа *гэртнай* 'ваш дом', где основа *гэрт* не может употребляться в значении сказуемости 'вы дом'.

Таким образом, в бурятской форме принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа элемент *-и* в составе аффикса *-ни*, который указывает на определенное и конкретное лицо и при множественном числе предмета обладания, например, *гэрнууд* 'дома', *морид* 'кони', *гэрнуудни* 'мои дома' и *моридни* 'мои кони', но *гэрнууднай* 'наши

дома' и *мориднай* 'наши кони' — *гэрнүүдни* 'мои дома' и *моридни* 'мои кони', но *гэрнүүднай* 'наши дома' и *мориднай* 'наши кони'.

В составе аффиксов *-ни*, *-най* в формах типа *гэрни* 'мой дом', *гэрнай* 'наш дом', *моридни* 'мои кони' и *мориднай* 'наши кони' исторически никогда не было элемента *-м*. Поэтому возведение аффиксов *-ни*, *-най* к местоимениям *миниш* 'мой' и *манай* 'наш' не соответствует действительности. Здесь можно говорить только о генетической связи аффиксов *-ни*, *-най* с элементами *-ни* и *-най* в составе местоимений *мини* и *манай*, не включая основ местоимений *ми-* и *-ма* в состав аффиксов *-ни* и *-най*.

Ед. ч.

- 1-е л. *герм* 'мой дом'
- 2-е л. *герчн* 'твой дом'
- 3-е л. *гернь* 'его (ее) дом'

Ср. калм. *дегтр* 'книга', *дегтрм* 'моя книга', *дегтрчн* 'твоя книга', *дегтрнь* 'его (их) книга'.

В приведенных формах аффиксы принадлежности *-м*, *-чн*, *-мдн*, *-тн*, *-нь* также связаны с формой родительного падежа местоимений *би* 'я' — *мину* // **мины* → **мини* → 'мой'; *чи* 'ты' — *чину* // **чины* → **чини* 'твой'; **и* 'он, она' — *ину* // **ины* → **ини* 'его, ее; их'; **ба* 'мы' → *ману* // **маны* → **мани* // *манай* 'наш'; *та* 'вы' — *тану* // **таны* → **тани* // *танай* 'ваш'. Как видно из приведенных примеров, в составе аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа *-мдн* или *-дн*, *-тн* вообще отсутствует элемент *-ай*. Это не связано с редукцией *-ай*. Элемента *-ай* в составе этих аффиксов не было, и они могли без данного элемента придавать основе значение принадлежности. Например, в дагурском языке форма принадлежности образовывалась по модели монгольского языка, например, *варкал минь* 'моя одежда', *варкал чинь* 'твоя одежда', *варкал мань* 'наша одежда', *варкал тань* 'ваша (их) одежда'.

Ц. Б. Цыдендамбаев пишет в связи с этим: «В монгольском письменном языке выразители категории личного притяжания находятся еще на стадии выделения: они по своей форме не отличаются от родительного падежа соответствующих личных местоимений, но занимают фиксированное постпозитивное положение по отношению

Следует заметить, что на урало-алтайском уровне эти показатели имеют аналогии в аффиксе *-на* в марийской форме принадлежности типа *портна* 'наш дом' и в финском аффиксе *-ni*, выражающем личную принадлежность 1-го лица единственного числа, например, *kirja* 'книга' — *kirjani* 'моя книга', 'мои книги'.

Аффиксы личного притяжания могут употребляться также с субстантивированными прилагательными, числительными и местоимениями. Что касается форм принадлежности в калмыцком языке и в монгольских языках Китая и их диалектах, то они имеют свою специфику, отличную от бурятского языка:

Мн. ч.

- 1-е л. *гермдн* 'наш дом'
- 2-е л. *гертн* 'ваш дом'
- 3-е л. *гернь* 'их дом'

к имени, а изредка также пишутся несколько иначе, чем местоимения в родительном падеже» [Цыдендамбаев 1979: 74].

В монгольских языках широко распространены формы безличной принадлежности со значением «свой», «своя», «свое», «свои», указывающие на принадлежность чего-либо субъекту высказывания независимо от различия его по лицам. Безличная форма принадлежности противопоставляется личной, которая выражает значения «мой», «твой», «его», «наш», «ваш», «их». Безличная (или возвратная) принадлежность обозначает отнесенность объекта к обладателю, в силу чего она выражается именами в форме косвенных падежей. В монгольских языках это универсальная и чрезвычайно употребительная форма. Хотя во многих работах по грамматике монгольских языков выделяются личные и безличные формы принадлежности, грамматическая категория принадлежности в этих языках остается недостаточно изученной.

В существующих описательных грамматиках стало общим местом положение о том, что особые безлично-притяжательные частицы выражают принадлежность предмета субъекту предложения, присоединяются не только к именам существительным, но и к другим субстантивированным частям речи во всех падежах, кроме именительного.

В русском монголоведении впервые обратил внимание на притяжательные частицы А. А. Бобровников: «...монголы и калмыки... показывают еще отношение понятий, встречающихся в предложении, к субъекту предложения, для чего к частицам падежей придаются еще особенные частицы, по значению притяжательные» [Бобровников 1849: 101]. В монголоведческих работах [Грамматика бурятского языка 1962; Грамматика калмыцкого языка 1983; Санжеев 1953; 1964] и специальных исследованиях по отдельным монгольским языкам [Цыдендамбаев 1979; Трофимова 2001] вопрос о категории принадлежности освещался неоднократно. С. Л. Чареков в своей статье «О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках» проводит анализ употребления безлично-притяжательных суффиксов в бурятском, калмыцком и современном монгольском языках и пытается отграничить суффиксы безличного притяжания от омонимичных форм, имеющих иное грамматическое значение [Чареков 1975]. Следует считать, что форма безлично-возвратной принадлежности образовалась по однотипной модели, то есть с помощью одних и тех же формантов. Монгольская форма безличной принадлежности не имеет специального аффикса для единственного и множественного числа. Форма возвратно-безличной принадлежности в монгольских языках характерна только для косвенных падежей.

Аффиксом возвратно-безличной принадлежности во всех случаях является элемент *-а*, *-э* с фонетическими вариантами *-о/-е*, согласно закону губной аттракции. Данный элемент присоединяется к основе имени, в случае неопределенного падежа, либо после иных падежных форм, согласно правилам сингармонизма, и произносится долго, вследствие чего в этих языках принято писать *-оо/-ээ/-оо/-өө*: монг. *ах* 'брат', *ахаа* 'брата-своего', *гэр* 'дом', *гэрээ* 'дома-своего', *ном* 'книга', *ном-оо* 'книгу-свою'. Между формой родительного падежа (*-ий/-ийн*, *-ы/-ын*, *-н*) и безлично-возвратным аффиксом вставляется так называемый соединительный согласный *-г*, *-х*, вследствие чего форма возвратно-безличной принадлежности имеет в бурятском языке следующую форму: *-нгаа*, *-нгээ*, *-гаа*, *-гоо*, *-ийаа*, *-йоо* (орфографически: *-яа*, *-еэ*, *ёо*), в монгольском языке: *-нхаа*, *-нхээ*, *-хаа*, *-хээ*.

Сложные аффиксы возвратно-безличной принадлежности *-гаа*, *-гээ*, *-нгаа*, *-нгээ* соответственно состоят из двух и трех элементов *-г-аа*, *-г-ээ*, *-н-г-аа*, *-н-г-ээ*, *х-аа*, *-н-х-аа*. Однако собственно аффиксом возвратно-безличной принадлежности, бесспорно, является *-а*, *-э* (орфографически *-аа*, *-ээ*). Что касается элементов *-н* или *-нг/-нх*, то они образовали вторичную основу определенности от падежных форм по общей модели.

Форма возвратно-безличной принадлежности в монгольских языках выражает принадлежность предмета действующему лицу или лицам без указания на определенное лицо. Поэтому принадлежность предмета тому или иному лицу в единственном или множественном числе можно определить, только исходя из подлежащего, например, бур. *Тэрэ гэрхээн гараба*. 'Он вышел из своего дома', где 'дом' принадлежит субъекту, выраженному местоимением 3-го лица единственного числа; бур. *Тэдэ гэрхээн гарабад*. 'Они вышли из своего дома' или *Ши гэрхээн гарабаги*. 'Ты вышел из своего дома', где объект принадлежит 2-му лицу единственного числа или 3-му лицу множественного числа. Еще примеры: *Тэрэ ахадаа бэшэг бэшэбэ* 'Он писал (написал) письмо своему брату'; *Ши ахадаа бэшэг бэшэбэши* 'Ты писал (написал) письмо своему брату'. Форма принадлежности *-а*, *-э* (*-аа*, *-ээ*) по своему значению в монгольском и бурятском языках выражает абстрактное понятие и находит свое выражение в категории неопределенности и типе неопределенной множественности.

Следует отметить абстрактность формы принадлежности на *-а*, *-э* в урало-алтайских языках, характерную для личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа. В современном калмыцком языке показателями безлично-возвратного притяжания являются *-ан*, *-эн* в винительном, дательном-местном, совместном и соединительном падежах, *-нь*, *-ннь* в родительном падеже, *-н* в исходном, орудном и направительном падежах. Для соединительного падежа показателем безлично-возвратного притяжания является *-ан*, *-эн*, *-рн*. К немаркированной основе имени безлично-возвратные показатели присоединяются обычно после падежной формы, за исключением винительного неоформленного падежа. Основа I маркированным показателем множественности принимает показатель притяжания после падежной формы. При наличии нескольких

основ, являющихся однородными членами предложения, в современном монгольском и бурятском языках чаще безлично-возвратный показатель присоединяется к последнему члену, так как значение показателя принадлежности распространяется на каждый член. В калмыцком языке возможно оформление каждого члена одновременно. В современном монгольском и бурятском языках показатель принадлежности может следовать после основы или после послелого, управляющего основой.

Как известно, принадлежность субъекту предложения может быть выражена в монгольских языках притяжательным местоимением: монг. *өөрийн*, бур. *өөрын*, калм. *эврэ*, которые в свою очередь могут принимать безлично-притяжательные показатели, приобретая следующую форму: монг.

өөрийнхөө, калм. *эврэннь*, бур. *өөрынгөө*, сохраняя при этом то же значение 'свой'. Примеры: монг. *Тэр эмэгтэй өөрийнхөө морьтой танилыг угтахаар гарлаа* 'Она своего всадника знакомого встречать пошла'; бур. *Аба өөрынгөө гурбан хүүүүдые нэрлээһэн* 'Отец своих трех сыновей назвал'; калм. *Би эврэннь орман олж авбуу* 'Я нашел свое место'.

Таким образом, категория принадлежности — именная категория, форма которой образуется по модели: основа + личный показатель. Значение категории принадлежности есть сложный образ двух предметов, которые связаны отношением принадлежности. Коммуникативное предназначение — передавать всевозможные отношения между двумя объектами.

Литература

- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1849. 400 с.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 326 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1996. 346 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика мон-

гольских языков. М.: Изд-во Вост. лит., 1953. т. 1. 240 с.

- Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Изд-во Вост. лит., 1964. 89 с.
- Трофимова С. М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 336 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.
- Чариков С. Л. О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках // Исследования по грамматике языков народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 155–176.

References

- Bobrovnikov A. A. [The Grammar of the Mongolian-Kalmyk Language]. Kazan: University Print. shop, 1849. 400 p. (In Russ.)
- Charekov S. L. [Concerning Impersonal-possessive Forms of the Nominal in Mongolian Languages]. In: [Researches on Grammar of Languages of the USSR Nations]. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 155–176.
- [Grammar of the Buryat Language. Phonetics and Morphology]. Moscow: Vost. lit., 1962. 326 p. (In Russ.)
- [Grammar of the Kalmyk Language. Phonetics and Morphology]. Elista: Kalm. Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)

- Kiekbaev Dzh. G. [Fundamentals of Historical Grammar of Ural-Altai Languages]. Ufa: Bashkir Book Publ., 1996. 346 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Comparative Grammar of Mongolian Languages]. Vol. 1. Moscow: Vost. lit., 1953. 240 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [The Mongolian Language with the Old Writing System]. Moscow: Vost. lit., 1964. 89 p. (In Russ.)
- Trofimova S. M. [Nominal Parts of Speech in Mongolian Languages]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)
- Tsyndendambaev Ts. B. [Grammar Categories of the Buryat Language in Historical-comparative Aspect]. Moscow: Nauka, 1979. 148 p. (In Russ.)